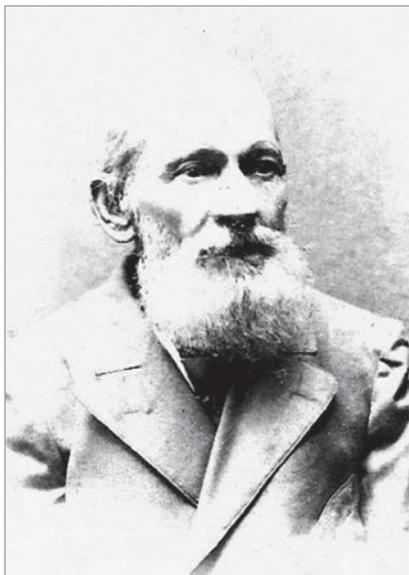


Рассказы старого петербуржца

(Из рассказов моего дедушки
на старинные темы)*

Д. Н. Бараненков



Дмитрий Николаевич
Бараненков. 1904 г.

*Я эти рассказы слышал
в детском возрасте,
в начале XX века, от своего
дедушки**.*
*Такими «анекдотическими»
слухами и сплетнями
развлекался тогда
мещанский обывательский
Петербург, коротая
скучные вечерние часы
в осеннюю
и зимнюю пору.*



Евгений Смелов. 1909 г.



Евгений Смелов на руках у матери,
Екатерины Дмитриевны Смеловой
(урожд. Бараненковой).
1897 г.



Сослуживцы Д. Н. Бараненкова по Земской губернской управе

* Рассказы записаны Е. П. Смеловым. Подготовлены к публикации Е. М. Травниной.

** Дмитрий Николаевич Бараненков (1834–1904) родился в Петербурге, в семье Николая Дмитриевича Бараненкова и его жены Елизаветы Ивановны. Откупился от своих помещиков Куломзинных еще до отмены крепостного права. Был управляющим имением в дер. Теребушево Новоладожского уезда Шумской волости. С 1869 года работал в Земской губернской управе. При выходе на пенсию получил потомственное почетное гражданство за беспорочную службу. Евгений с матерью, Екатериной Дмитриевной, жили в семье деда, который заменил своему внуку рано умершего отца.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О БАСКОВЕ*

О Баскове и его похождениях не мог не знать любопытный до сплетен петербуржец того времени. О Баскове рассказывали везде. Но кто видел Баскова своими глазами, не знаю. Личность эта довольно таинственная, а история его поразительных проделок в Санкт-Петербурге, по-видимому, относится к царствованию Николая I.

БАСКОВ И ЯЙЦА

На бойком углу одной из петербургских улиц стоит торговка с корзиной яиц. К ней подходит Басков.

– Почему продаешь яйца?

– Гривенник десяток, мил человек, купи – яйца свежие, только что из-под кур.

– Да! Яйца ничего, крупные, давай десяток – держи гривенник.



– Бери, голубчик, выбирай сам...

Басков берет первое попавшееся под руку яйцо, на глазах торговки разбивает его, и что же? Вынимает из яйца золотую монету, показывает ее изумленной женщине и кладет золотой в карман. То же самое повторяется и с остальными девятью яйцами.

– Ну, спасибо, баба, хорошие у тебя яйца, нечего сказать. Дай-ка еще десяточек, – говорит Басков, протягивая ей второй гривенник. – Бери! А я еще побью у тебя яички...

Но нет! Торговка, потеряв всякую здравую базарную сообразительность, обеими руками прикрыла свою корзинку и решительно отка-

залась продать Баскову следующий десяток яиц.

– Ну, что ты, продай еще, не жалей, ведь я плачу тебе по твоей цене, а курицы тебе еще нанесут.

Однако лютая жадность охватила торговку. Она была неумолима. Ни одного яйца больше не мог выклянчить у ней Басков. Лишь только повернулся он к торговке спиной, как та, на виду у изумленных прохожих, принялась усердно бить яйца. Но ни одной золотой монеты в них не оказалось.

БАСКОВ И ЦАРЬ

Слухи о подобных проделках Баскова дошли до царя. Он приказал вызвать Баскова во дворец для личного внушения. Сказано – сделано. И Басков предстал пред грозные царские очи. Николай шутки не любил, а взгляда его холодных суровых глаз никто из царедворцев не выдерживал.

Царь грозно взглянул на Баскова, но Басков спокойно выдержал царский взгляд и не отвел от него свои очи.

– Ты прекрати, Басков, в моей столице свои безобразия, не то я расправлюсь с тобой по-своему. Не возрадуешься, когда попадешь в опытные руки моих верных слуг.

– Каких слуг? – прервал царя Басков.



– Как каких? – И царь властной рукой хотел указать на нескольких сановников, окружавших царя и Баскова, но царская рука бессильно опустилась, и глаза изобразили ужасную тревогу. Все царедворцы стояли без голов! Напрасно царь машинально протер глаза, зажмурил и снова раскрыл. Слуги его, послушные и жестокие, оставались безголовыми.

– Полно шутить, Басков! – с едва заметной дрожью в голосе промолвил царь, не решаясь взглянуть на Баскова.

Знаменитый гипнотизер ничего не ответил, но когда царь поднял глаза, жуткий вид придворных, потерявших свои головы, исчез. Они стояли в своем натуральном виде.

– Вот что, Басков, – леденящим душу голосом, не сдерживая больше своего гнева, промолвил царь, убийственно смотря на спокойного Баскова, – чтобы завтра же ты убрался из столицы куда глаза глядят, чтобы тут и духу твоего не было! Слышишь?

– Слышу, ваше величество, и исполню.

– Ну, то-то же, а теперь иди и больше мне не показывайся на глаза...

Как только Басков вышел, царь приказал шефу жандармов проследить, в каком направлении завтра выедет Басков из столицы.

* Статья проиллюстрирована зарисовками Н. И. Шарф.

ЗАГАДОЧНЫЙ ОТЪЕЗД БАСКОВА ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В то время въезд и выезд в Петербург контролировался четырьмя заставами, поставленными на границе города. Одна застава открывала путь к Нарве, другая – к Москве, третья – к Шлиссельбургу и четвертая – к Выборгу. Караульным при каждой заставе было строжайше наказано проследить, через какую из застав Басков выедет из города. Для этого на другой день на каждую из застав были командированы наиболее расторопные и умелые наблюдатели.

И вот едва прогремел над городом полдневный выстрел Петропавловской крепости, как к дворцовому коменданту одновременно примчались нарочные с весьма спешным известием о выезде Баскова из столицы. Из донесений явствовало, что Басков в один и тот же час одновременно покинул город через все четыре заставы. Комендант не верил своим ушам, но других извещений не было.

ОТВОД ГЛАЗ

Многие простые, не книжные русские люди в то время без возражений верили в возможность «отводить глаза» или, по объяснению Даля, «морочить, то есть напускать мару (морочу) – обман чувств».

По рассказам очевидцев, много встречалось на Руси таких людей, которые умели «отводить глаза». Вот один из таких рассказов.

Очевидцем происшествия был мой дедушка еще в свои молодые годы, вероятно, еще при крепостном праве. Вблизи одной захолустной деревеньки мужики валили лес и срубленные деревья подготавливали под шпалы. Рубка леса происходила вблизи проезжей дороги. Среди дровосеков был один мужик, про которого говорили, что он умеет «отводить глаза».

Когда работники пошатались на обед, этот фокусный мужик говорит товарищам:

– Ребята! Собирайте на водку мне, я вам покажу фокус... Видите, лежит у дороги отесанное дерево. Так вот, хотите, я вдоль дерева внутри его пролезу с одного конца до другого?

Все согласились. Собрали на водку и говорят фокуснику:

– Валяй! Лезь! А мы посмотрим...

Зачинщик подошел к длинному бревну, расположенному около дороги. Зрители сгрудились с одной стороны бревна, спиной к дороге, и началось представление.

Чародей подошел к толстому концу бревна, пристальным испытующим взглядом довольно продолжительно посмотрел на всех своих приятелей; встал на колени, приставил голову к концу дерева и... все увидели, как его голова, плечи, туловище, а наконец и ноги, постепенно исчезли в сердцевине бревна. С разинутыми ртами, оцепенев от изумления, зрители наблюдали происходящее. Ясно, что их приятель, влезши в бревно, теперь ползет внутри его к другому концу и скоро вылезет с той стороны.

В это время по дороге ехал торговец гончарным товаром. Поравнявшись с толпой зрителей, возчик с любопытством остановился и спросил одного из зевак:

– Чего вы так смотрите? Что вы такое видите?

– А вот, дядя, смотри сам... Человек влез в бревно и сейчас с другого конца появится...

– Дурачье! Мужик-то ползет с той стороны бревна... Что вы, не видите? Аль ослепли?

Но действительно, кроме подехавшего торговца горшками и плошками, никто не видел ползущего вдоль дерева фокусника. Чародей же приподнял голову, строго взглянул на разоблачителя и громко сказал:

– Дядя! Смотри, воронье все твои горшки загадит!

Взглянул дядя назад себя – множество ворон уже уселось на телегу, а другие черной тучей с громким карканьем подлетают вслед за первой стаей. Схватил бедный торговец с земли первую попавшуюся под руку палку и давай беспощадно бить по воронам. Полетели черепки от посуды в разные стороны.

Один из таких доморожденных гипнотизеров любил потешать девчат и парней на посиделках. Нередко в разгул веселья с шумом отворялась дверь, и все видели, как поток воды льется в избу, а затейник

плывет к ним в корыте. Раздается крик, визг. Девчата вскакивают на лавки, чтобы не замочить свои сарафаны. Один только старый дед, почти не слезавший с печи, свесил голову, смотрит на непонятное беснование и говорит:

– Чего вы сбесились? Никакой воды нет. А баловник сидит на сухом полу в корыте.

– Ты что, дед, закудахтал? Взгляни-ка, где твои ноги? – ответил ему затейник.

Глянул дед и завопил благим матом: нет у него ног по самые колени.

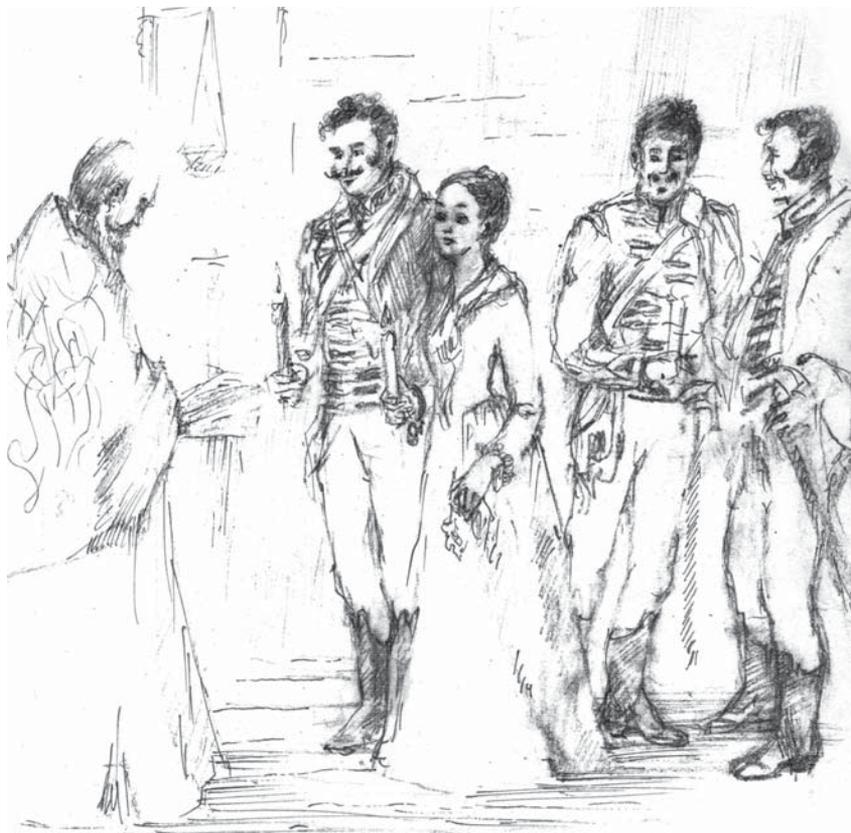
– Ладно-ладно, не голоси, как истощная баба, да в другой раз не суй свой нос, где тебя не просят!

И разом ноги у старика появились, и вода в избе исчезла.

ПАНИХИДА ВМЕСТО СВАДЬБЫ

В одном аристократическом доме гувернанткой малолетних детей служила молоденькая французенка. Она была красива, по-парижски изящна, соблазнительна для петербургских повес. Но все ухищрения этого сорта молодежи наталкивались на непреодолимое препятствие. Гувернантка была неприступна. Ее спасали от легкомыслия глубокое и строгое благочестие, а также целомудренная скромность. Может быть, именно эти качества в конце концов, вскрыжили голову старшему сыну семейства – блестящему офицеру одного из гвардейских полков. Но самые ухищренные и упорные усилия склонить к себе сердце красавицы оставались тщетными. Не то что она отвергла пылкие чувства своей ледяной холодностью со стороны безумно влюбленного в нее молодого офицера. Совсем нет! Она, видимо, как женщина была польщена своей произвольной победой, но на все страстные порывы офицера она отвечала одним глубоко религиозным и откровенным признанием, что она не может даже помыслить союз без церковного благословения.

Все попытки влюбленного склонить своих родителей дать согласие на брак с гувернанткой ни к чему не привели. Даже запальчивая угроза покончить жизнь самоубийством из-за безнадежной любви не победила упорных родителей. Их



аристократические убеждения ни при каких условиях не могли согласиться ни на какой «бесчестный», оскорбительный для дворянской чести мезальянс. С точки зрения родителей офицера, не могло быть и речи о подобном неравном браке.

И отец, и мать в один голос твердили сжигаемую страстью сыну одно и то же: «Выкинь из головы безрассудную мысль о браке с гувернанткой!» Молодой человек в упрямстве не уступал своим родителям. Но идти на прямое неподчинение их родительской власти значило не только подвергнуть себя ничему не значащему «проклятию», но и лишиться наследственных благ. Это было почти равносильно самоубийству. Получался заколдованный круг.

Говорят, нет безвыходных положений. На помощь влюбленному гвардейцу пришли его полковые приятели. Они посоветовали ему вступить в конфликт с совестью, лишиться предмет страсти элементарного уважения и вступить на путь обмана. Он стал уговаривать гувернантку вступить с ним в «тайный брак» с твердой уверенностью *post factum* добиться от родителей прощения и примирения. Видимо, француженка была к нему доста-

точно благосклонна и потому скоро дала согласие повенчаться с ним по православному обряду, скрытно от его родителей.

Небольшой домовый храм без молящихся производил грустное впечатление. Его еще более усиливал царивший полумрак. Лишь недалеко от амвона горело несколько свечей и стоял аналой с крестом и Евангелием. Пред ним «жених» и «невеста» – гувернантка-француженка и влюбленный в нее гвардеец. За ними еще два гвардейских офицера в роли шаферов. Невеста не в подвенечном наряде, а в простом обычном платье. В руках у всех зажженные свечи. Священник поет трогательные и очень грустные напевы. «Невеста», совершенно не знающая русского языка, может уловить только заунывную мелодию, которую выпевает священник, но не понимает ни одного слова.

Лишь после того, как были потушены свечи, священник запел более веселые молитвы. Потом он дал всем поцеловать крест и Евангелие, окропив молившихся святой водой. Богослужение окончилось. Шафера поздравили жениха и невесту с заключением брачного союза. Но француженка сказала своему милому обольстителю печально-

тревожным голосом: «О, мой друг, как грустна эта ваша свадебная музыка». Она в эту минуту даже и не подозревала, какую злую шутку совершили с ней молодые аристократические ловеласы. Вместо бракосочетания они отслужили над мнимыми женихом и невестой сначала панихиду, а потом молебен о здравии.

Эта бессовестная выходка завершилась в уединенном ресторанчике, где m-lle гувернантка лишилась невинности.

ВЫГОДА И НЕВЫГОДА (Петербургская быль)

Многим тогдашним завсегдатаем пивнушек был знаком оригинальный субъект. Уже немолодой, с болезненным лицом, с беспокойным взглядом нервного человека, он часто подходил к незнакомым посетителям и обращался к ним всегда с одним и тем же вопросом:

– Простите, пожалуйста, за беспокойство... Позвольте вас спросить, что такое выгода и невыгода?

Глубокая грусть, душевная безнадежность слышались в его вопросе.

Если тот, к кому он обращался с вопросом, не прогонял его от столика и не выказывал раздражения, то странный субъект просил разрешения присесть за столик и рассказать свою печальную жизнь в надежде на бесплатное угощение. Когда ему это удавалось, он трогательно, в сотый раз, пересказывал свою трагедию. Видимо, ему доставляло удовольствие волновать чужую душу своими переживаниями.

– Не думайте, m-сиг, что я всегда был таким пропащим человеком... О, нет! Поверьте! Я был блестящим чиновником (он называл один из департаментов). Его Превосходительство, действительный статский советник г-н N запросто бывал у меня. Он приблизил меня к себе. Я был его чиновником особых поручений. Должность легкая и очень выгодная. Командировки оплачивались хорошо. Товарищи по службе мне завидовали. И было чему: награды сыпались на меня как из рога изобилия. А моя жена? Такую красавицу, такую умницу все уважали. Да что и говорить! Смольный институт окончила, получила настоящее воспитание. Любили мы

друг друга безумно, ну, как в медовый месяц. Одним словом, кругом счастье: и дома, и на службе!

Только с некоторых пор стал я примечать какое-то новое, странное отношение к себе со стороны приятелей. Не то чтобы что-нибудь обидное или неделикатное... Нет! Не то, а все же какое-то холодное отчуждение. Вроде, как бы они что-то скрывают от меня обидное, оскорбительное, чего нельзя сказать даже наедине. А так все шло по-прежнему. И мои домашние вечеринки, и мои частые командировки.

Стал я присматриваться к жене... И в ней какая-то странная перемена. Ну, думаю, измучил я ее своими командировками... Скучает без меня! Намекнул ей как-то на ее грустный вид, а она мне и говорит: «Послушай, милый, откажись от таких частых командировок, пожалей меня...» Какое странное, думаю, слово сказала – «пожалей»... «Что ты, – отвечаю ей, – за что тебя пожалеть? Ведь моей работе все завидуют. Где мы еще с тобой найдем такую выгодную работу?»



А она вдруг ни с того ни с сего и ответила мне: «Ах, милый мой, что такое выгода и невыгода?» Поразила она меня этим своим встречным вопросом... Внесла в мою душу тревожное волнение. И решил я посоветоваться с приятелями, что такое приключилось с моей женой? Вижу, приятели не хотят говорить со мной на эту тему, отмалчиваются, отшучиваются: мало, говорят, уделяешь жене внимания – ласкай побольше, и тому подобные глупости говорят... А чует мое потревоженное сердце: скрывают что-то. Пристал я тут к

одному наиболее близкому приятелю: скажи, мол, почему товарищи изменили ко мне свое отношение?

Сначала он как будто смутился таким моим прямым вопросом, а потом подумал да и говорит мне: «Чудак ты! Неужели сам не видишь, не понимаешь? Ведь не ослеп же ты!» Конечно, – отвечаю ему, – не ослеп я, но ничего особенного не вижу и не знаю, что я должен понимать». Тут он мне и открыл глаза, так что я разом потерял все свое глупое благодушие. Оказывается, всем, кроме меня, известно, что мой начальник – генерал усиленно добивается расположения к себе со стороны моей жены. Во мне он будто бы ни капли не сомневается – чиновник я исполнительный, примерный, послушный. Поперек дороги своему начальнику не посмею встать. И прибавил мне мой приятель дружеское слово, чтобы я пожалел свою жену, да и себя тоже: не подвергал ни ее, ни себя такой опасности...

Как громом ударила меня эта внезапная новость! А тут как раз и новая командировка подвернулась. Взял я с каким-то тяжелым предчувствием командировочные документы и побежал домой.

Как только сказал я жене, что сегодня вечером уезжаю я в командировку, а она в слезы. Никогда такого с ней не бывало еще. Прямо истерика. Плачет и уговаривает меня не ездить, отказаться от этой командировки и даже службу советует переменить. А в чем дело – не говорит! Уж очень неделикатная тема. Я ее, конечно, успокаиваю, да и как, говорю, могу я отказаться от срочной и важной командировки, если я чиновник особых поручений, а именно на этот раз поручение мне дано действительно особое.

Вдруг она как-то гордо выпрямилась и каким-то небывалым решительным голосом и говорит мне: «Ничего-то ты, милый, не понимаешь. Не хочешь меня послушать! Что же, дело твое! Поступай, как знаешь!»

Сами понимаете, могло ли от таких слов жены не занять мое сердце, но я все-таки сдержал себя и сказал ей в ответ, что мы поговорим на эту тему после моего возвращения из командировки, а что теперь пора отправляться на вокзал. Поцеловал я ее на прощанье и ушел.

Летний вечер был прекрасным, когда я ехал на извозчике на Московский вокзал. Но на душе у меня было сумрачно и беспокойно. Ревнивая тревога овладевала моим сердцем. Нет! – решил я, – какая тут командировка! И на одной из первых станций я сошел с поезда и стал ждать обратного. Жгучее чувство ревности, обида и страх овладели моим сердцем. Было уже за полночь, когда я подъехал к дому. Жил я тогда в первом этаже. Окнами квартира выходила в довольно тенистый сад. Я вбежал по лестнице. Сердце замирало от тревожного ожидания. В голове почему-то неотступно, как птица в силке, бились слова, сказанные мне женой о выгоде и невыгоде... На мой звонок дверь долго не открывали. Видимо, горничная крепко заснула. Не слышала. Я вошел в прихожую. Меня поразило вид горничной: она явно испугалась, что открыла мне дверь. Можно было подумать, что я застал ее за позорным занятием. Все стало ясно, как только я взглянул на вешалку: там висело пальто на красной генеральской подкладке. Я отстранил рукой горничную, пытавшуюся попридержать меня в прихожей, и ворвался в спальню.

На нашей супружеской кровати лежал мой начальник с моей женой.

Смущенный, но старавшийся сохранить величественную осанку, генерал стоял предо мной в нижнем белье. Не помню, как я схватил его за шиворот, повернул к открытому окну в сад и заставил его туда выпрыгнуть. Он не сопротивлялся и молча проделал всю эту акробатическую процедуру. Потом я выкинул вслед за генералом его верхнее платье, закрыл окно и обратился к жене.

К своему крайнему удивлению, я не заметил в ней ни смущения, ни страха. Она успела накинуть на себя капот и без волнения ожидала, когда я накинусь на нее. Но этого не случилось. То ли я уже израсходовал весь свой внезапный гнев на генерала, то ли смиренный вид моей жены отрезвил меня, но я задрожал весь непонятной нервной дрожью, и слезы невольно брызнули из глаз...

«Милый мой, почему ты не послушал меня... Ничего бы плохого не было, если бы ты не поехал в эту злосчастную командировку... Что же

мы будем теперь делать? Выгонят тебя теперь со службы, а генерал не прекратит, наверное, преследовать меня своими домогательствами...» Тут она чистосердечно рассказала мне всю историю ухаживаний за нею моего начальника. Я был до того расстроен всем случившимся, что голова моя была бессильна решать в то время самый пустой даже вопрос.

На другой день в департамент я не пошел. Так в каком-то зловещем и томительном ожидании прошло дня три.

Однажды утром из департамента явился курьер со срочным письменным предписанием за подписью самого генерала явиться в нему лично и без промедления. Пошел. В приемной много посетителей. Некоторые с высокими чинами, не в пример моему довольно скромному чину. Увидел я знакомую обстановку и как-то не то чтобы оробел, а привычное чиновничество овладело моими чувствами, и благоговение к его превосходительству сковало меня. Однако долго размышлять не пришлось. Вне всякой очереди дежурный чиновник ввел меня в генеральский кабинет.

Начальник сидел за своим обширным письменным столом. Мне показалось, что он в хорошем настроении. Руки он мне не подал, но предложил сесть напротив себя на близком расстоянии. Я сел. Он заговорил: «Ну-с, молодой человек (так он ко мне прежде не обращался), что же мы с вами теперь будем делать?» Я почтительно молчал. Он продолжал: «За происшествие на вашей квартире я на вас не обижаюсь и не сержусь. Что было, то было. Не будем об этом вспоминать. Да, по правде говоря, будь я на вашем месте, пожалуй, получилось бы то же самое... Но довольно об этом. Не для нотации я вас позвал.

У меня есть к вам очень серьезное, вполне деловое и весьма конфиденциальное предложение. На мой взгляд, оно приемлемо для вас и выгодно. Заметьте особенно, что выгода этого моего предложения для вас, при сложившихся обстоятельствах, несомненна. Я, молодой человек, старше вас и летами и положением, я опытнее вас, я хочу принять участие в вашей судьбе по-отечески. Вы знаете, я всегда к

вам так именно и относился. Я вам помогу выйти в люди. При моем покровительстве ваша блестящая служебная карьера будет вам обеспечена. Но и с вашей стороны потребуется некоторая жертва. Теперь слушайте внимательно.

От того, как вы поймете мое предложение, как вы воспримете его, будет зависеть вся ваша дальнейшая жизнь, ваше благополучие или несчастье. (Тон начальника в этом месте стал суров и непреклонен.) По моей личной просьбе и рекомендации вы, на первых порах, назначаетесь вице-губернатором с отъездом в одну из не столь отдаленных губерний. О дальнейшем вашем продвижении по службе вы не беспокойтесь. Об этом побеспокоюсь я! Кроме того, от меня на свое обзаведение в провинции вы получите сто тысяч. Это позволит вам жить по чину и должности, ни перед кем не заискивать и сознавать себя обеспеченным человеком.

Что же я хочу от вас? Только одного: вы поедете к месту нового назначения один! Жена ваша останется в Петербурге, и вы, вероятно, расстанетесь с ней навсегда.

Пауза.

Кровь разом бросилась мне в голову. В ушах зазвенело. Не знаю, как я выглядел в эту минуту, но генерал, видимо, заметил мое волнение. Он поднялся с кресла. Но было уже поздно. Я внезапно крикнул каким-то не своим голосом: «Мерзавец!» И со всей силы ударил его по лицу.

Я плохо помню, что произошло дальше... Появились чиновники. Меня схватили и крепко держали за руки. Генерал кричал, что я оскорбил его при исполнении служебных обязанностей, зывал к свидетелям и грозил мне суровой расправой.

Расправа надо мной вскорости состоялась. Генерал для этого использовал все свое влияние. За свой безумный поступок в кабинете начальника меня судом лишили всех прав состояния и отправили на поселение в далекую и суровую сибирскую глушь. Жена же моя предпочла остаться в столице на содержании моего бывшего начальника. Много лет я провел в ссылке и немало передумал о том, что же такое «выгода и невыгода», да так и не смог понять.

Может, вы мне разъясните?» – просительным и жалобным голо-

сом заканчивал свою скорбную повесть бывший чиновник особых поручений.

«КУМ-ПОЖАРНЫЙ» И ГОРНИЧНАЯ (Старинная быль)

Кухарки и горничные этого большого дома жалели Матрену, работавшую «одной прислугой» в квартире №6. Уж больно требовательны были ее господа. Никто не смел даже заглянуть на кухню к Матрене: ни одна ее подружка по двору, даже в отсутствие господ, не решалась на минуту забежать к этой молодой затворнице и сообщить ей последние домовые новости. Правда, сама Матрена, миловидная, очень скромная девушка, молчаливая работяга, никому не жаловалась на свою долю. Иногда она даже похвалялась перед другими своими хозяевами: много ли надо двум одиноким пожилым господам? Ей возражали, что ее господа слишком часто отлучаются из дому, и ей приходится сидеть караульщицей господского добра. Куда как весело! Но молодая горничная возражала, говоря, что лучше сидеть и отдыхать караульщицей, чем возиться с чужими и капризными барскими ребятами. Даже суровый неразговорчивый дворник Митрий похвалял девушку за столь умное возражение.

Секрет умной Матрены, о котором никто даже не подозревал, открылся случайно. Но и этот секрет несколько не опорочил скромную и скрытную девушку, что бесприменно случилось бы со всякой другой, менее скромной.

Матрена была влюблена в пожарного. Он отвечал ей горячей взаимностью. Это был богатырь приятной наружности. Как «серый герой» он обладал завидной способностью умело и решительно, без лишнего шума и совершенно невидимо для чужих любопытных глаз, проникать и не в горящие квартиры.

Каким-то непонятным чутьем и, может быть, при помощи тайных сигналов умной Матрены он всякий раз появлялся у ней на кухне, как только господа покидали квартиру на продолжительное время. И Матрена с ним не скучала.

А на этот раз Матрене и ее возлюбленному совсем повезло. Еще

накануне господу предупредили горничную, что завтра они уезжают на Шалыпина. Сказали они, конечно, только Матрене, но это было все равно, как если бы они сказали и ее симпатии. Не успели господу на извозчике далеко отъехать от дома, а «кум» пожарный был уже у Матрены в гостях.

Все шло тихо и спокойно. Жаль только, что время летело слишком быстро. Как вдруг в передней раздался резкий повелительный звонок колокольчика. «Ах, господу вернулись! – в ужасе воскликнула бедная перекупанная девушка. – Что делать? Другого-то выхода из квартиры нет».

«Иди скорее за мной – заторпила своего дружка горничная. – Надо прятаться». Она подвела его к огромному платяному шкафу и закрыла там его на ключ. А звонок в прихожей продолжал настойчиво звонить.

Обеспокоенная неожиданным возвращением хозяев, Матрена побежала к дверям и открыла их. Здоровенный мужчина грубо оттолкнул ее плечом от двери и закрыл ее на крюк. «Ну, голубушка, не бойся... Я тебя не трону. Показывай подрупуздорову, где твои господу хранят самые дорогие вещи...»

Недолго думая смекалистая девушка подвела вора к тому шкафу, в котором спрятала своего любезного пожарного. «Сейчас я фомкой отворю замок» – проговорил обрадованный хорошим оборотом дела мошенник. «Не надо ломать замок. Я тебе сама отворю шкаф ключом...»

Она порылась в кармане, ища ключ, и лишь только повернула замок, массивная дверь шкафа распахнулась и... непрощенный гость очутился на полу. Между ним и пожарным завязалась отчаянная борьба. Оба не уступали друг другу в силе. «Матреша, беги скорей за дворниками, – приказал пожарный, – я его не выпущу, он от меня не уйдет... Беги скорей!»

Господу возвратились из театра. На лестнице они услышали необычный шум и увидели много любопытных, толпившихся на площадке их квартиры. Дверь была широко распахнута. Они с трудом протиснулись домой. Вор был связан, его отправляли в полицейский участок. Матрена рассказала все,

как было, боясь, что ей достанется от господ за пожарного. Но ее не ругали, а когда посторонние вышли из квартиры, барин похвалил ее за находчивость, а барыня добавила: «Вот что, Матрена, когда нас с барином не будет дома, пусть к тебе приходит в гости твой пожарный. Он молодец!»

Это барынино замечание, разумеется, было для Матрены лучшей всякой похвалы.

УБИЙЦА-ГУБЕРНАТОР (Сибирская быль XIX века)

В начале XIX века путешествие по отдаленным сибирским дорогам было подвигом. Глухая тайга таила такие опасности, о которых европейский горожанин мог узнать разве только по рассказам бывалых людей или из книжек. Разбушевавшаяся стихия, дикие звери или разбойники могли неожиданно прервать жизнь смельчака. Случалось и так, как, например, в нашем рассказе, что дикая сибирская природа с ее тревожным, опасным безлюдьем иногда доводила иного человека до такого преступного состояния, за которым неизбежно следовало и само преступление.

В этом случае безлюдье отождествлялось с безответственностью. Преступное намерение внешними препятствиями не сдерживалось, и безответственность переходила в безнаказанность, властно толкая человека на безумный поступок.

Тройка выносливых сибирских коней быстро бежала по заснеженному пути. В кибитке сидело двое проезжих. Оба были молоды, бодры и жизнерадостны. Суровая природа бодрила их. А перед их взором открывались очаровательные картины таежных красот. Далеко позади осталась столица.

Этими молодыми людьми были барин и его камердинер, служивший одновременно секретарем. Барин ехал к месту нового служебного назначения губернатором в одну отдаленную сибирскую область. Он уговорил своего камердинера, не крепостного, а вольного, наемного человека, отправиться вместе с ним в суровый край, посулив ему при себе хорошее служебное положение.

Он дорожил своим камердинером за его ум и по тому времени

достаточное образование: его слуга был из недоучившихся семинаристов и хотя во многом с плебейскими понятиями, но довольно уважительный, а главное, сговорчивый и с немалой инициативой. Незадолго до отъезда в Сибирь барин приблизил его к своим департаментским делам, которые в немалой доле делались в домашней обстановке.

От ямщика, тревожно посма тривавшего по сторонам глухой тайги и беспрестанно погонявшего лошадей, они только что узнали, что едут они разбойными местами. В голове барского лакея ядовитой змеей зашевелилась соблазнительная преступная мысль – построить свое личное благополучие на крови своего барина. Этому полуобразованному лакею еще в столице открылась жизнь великосветского общества с ее жестокими аристократическими повадками, внешне прикрытыми светским лоском.

По натуре очень честолюбивый, с тайным желанием высокой карьеры и жадной любоначалия, лакей видел и понимал, что никакими честными путями ему никогда не достигнуть того служебного положения, которое безо всякого личного усилия дается его молодому барину. И жгучая ревность к чужому успеху жгла душу завистника.

Дух авантюризма овладел всем его существом и увлек его на путь убийства. На одном глухом многоверстном переезде камердинер убил ямщика и барина. Трупы их он спустил в полыню какой-то речушки. Сам же переоделся в верхнее платье своего хозяина, овладел его саквояжем с его документами, деньги же благоразумно припрятал, себя несколько поранил, а лошадей пустил по собственной их воле.

На ближайшей почтовой станции, куда его привезли лошади, убийца искусно разыграл нападение на него разбойников, увод в лес его камердинера и ямщика и учиненный над ним грабеж. При наличии всех документов своего хозяина авантюристу без больших усилий удалось выдать себя за важного столичного чиновника, направляющегося на губернаторство.

На всем пути в крупных городах лже-губернатора принимали с подобающим его званию почетом. Он же держал себя с удивительно скромным достоинством и положительно

очаровывал всех своими манерами, своим обхождением.

Вступив в губернаторскую должность, он умело взялся за дело и вскоре навел дотоле неведомый в этом глухом краю образцовый порядок. Его правлением были довольны все. Он умел вникнуть в суть каждого дела, каждой просьбы, проявляя при этом и справедливость, и добросердечие. Никто не уходил от него без подходящей помощи, без утешения.

В лучших семействах всей губернии, где только были невесты, этот добрый, умный, распорядительный администратор слыл за самого желанного жениха. Но он не спешил с выбором подруги жизни. Его терпение вознаградилось счастливым браком.

Прошло более десяти лет. Подрастали уже его детишки. Как вдруг однажды в губернаторский кабинет в учреждении прибежала из дома горничная с запиской от губернатора. В записке сообщалось, что из Петербурга только что приехала старушка, родственница губернатора, и жена просила его поскорее прийти домой, чтобы почтить гостью своим вниманием.

«Этого еще недоставало!» – с тревогой подумал губернатор. Правда, он в столице знал многих родственников и знакомых своего убитого барина, но приезд неожиданной родственницы не сулил ему радости.

Взяв себя в руки, губернатор очень радушно встретил старушку. С первых же ее слов он понял, что ее привела в далекую Сибирь кровная обида на него – губернатора... Ему невольно вспомнилось одно незначительное само по себе происшествие, случившееся около года тому назад. Он старался как можно реже переписываться со столичными родственниками своего барина. Ответы его всегда были кратки и по-деловому сухи. Они писались рукой каллиграфа – писаря и лишь подписывались губернаторской рукой (подпись подделывалась мастерски).

Такая непочтительная официальность в родственной переписке довольно скоро привела ее почти к полному прекращению. Только однажды она вспыхнула к немалому неудовольствию губернатора. Поводом послужило выпавшее на

его долю наследство. От наследства он немедленно отказался, отослав в Санкт-Петербург соответствующий документ на распределение наследства в порядке родственной субординации. На этом он и успокоился, получив по этому поводу несколько благодарственных и несколько обиженных писем. Но теперь, с приездом старухи, позабытая тревога ожила с прежней силой, даже с большей, чем прежде: пред его глазами был живой, обиженный им, обойденный наследством человек в старушечьем облике.

«Родной ты мой – с неподдельной радостью говорила гостя, не сводя глаз с мало обрадованного встречей губернатора – до чего же ты изменился, прямо узнать тебя нельзя... И голос-то точно не твой... Да и как ты стал забывчив... Как ты мог забыть, когда писал распоряжение о наследстве, обо мне... Очень ты обидел меня этим. Всех вспомнил, кто в детстве твоём, горемычном детстве после смерти твоей матушки, царство ей небесное, голубушке, и видеть-то тебя не хотел. Всех их вспомнил и по доброте своей наградил наследством, а меня, няньку свою, которая денно и ночью тебя ласкала, о тебе Бога молила, ты даже не упомянул».

Такие жалобы повторялись ежедневно. К этому присоединялись бесконечные рассказы о живых и усопших родственниках, о их жизни, о их дрязгах, об их благополучиях и невзгодах. Часто старуха удивлялась его забывчивости, когда ее прежний питомец совершенно невпопад отвечал на ее вопросы. Она не могла взять в толк, как он мог забыть ту или иную яркую подробность своей прежней жизни, особенно годы учебы в Лицее, своих прежних лицейских друзей и т. п.

Понятно, что такие «воспоминания» тяготили губернатора. Они лишали его спокойного сна, угнетали его душу, вызывали в памяти кошмар убийства... Губернаторша с тревогой стала замечать в муже резкую раздражительность и болезненную внешнюю перемену. Мужа будто бы подменили. Его ровный спокойный характер исчез. Он стал резок и с ней, и с детьми. По ночам болезненно стонал. Его мучили кошмарные сны.

С работы домой он теперь не спешил, засиживался в присутствии

до позднего времени. Возвращался усталый, дома старался уединиться. Избегал людей, особенно свою бывшую няньку. Жена и сослуживцы усиленно советовали ему отдых, объясняя его душевную перемену переутомлением. Но губернатор резко отклонял все такие советы.

А говорливая нянька старалась по-своему развлекать и успокаивать своего дорогого воспитанника. Она часто попрекала его забвением своих родственников, его черствым отношением к тем из них, кому, по ее мнению, он мог и должен облегчить жизнь. При этом, по своей рабской привязанности, она нередко забывала о себе самой, хотя и не переставала укорять его за горькую обиду с наследством.

Однажды вечером, в тоскливую осеннюю пору, из губернаторского присутствия прибежал чиновник в дом губернаторши с трагическим известием: губернатор только что покончил с собой. В оставленном письме он просил прощения у жены и детей за причиненное им тяжкое огорчение и сообщал о совершенном им убийстве действительного губернатора.

ПРОДАЖА МАРСОВА ПОЛЯ

«Слышали заманчивую новость, друзья?» – спросил знаменитый в своем кругу «Виктор-победитель» своих всегдашних собутыльников. В дни житейских удач этот вопрос был бы задан в одном из роскошных столичных ресторанов. Но сейчас эта теплая компания пиновала за грязным кабацким столиком.

Вопрос вызвал общий интерес, и тут не было праздного любопытства.

«Что же это за новость?» – разом, как один, воскликнули приятели, обратив свои взоры на «Победителя». Тот не спешил с ответом. Он никогда и нигде не забывал о своем несомненном авторитете, а потому привык выдерживать красноречивые паузы и не бросал своих слов на ветер. Он гордился, что принадлежит к тем к «отпетым» людям того столичного мира, для которого никаких писаных законов нет.

«Вот что, друзья. Я задумал одно золотое дело... Я доведу его до победы, если мы не будем ослами мелкой породы... К нам в Петер-

бург едет крупный американский туз... Попадись он в мою выучку, и мы сами будем тузами... Ну что, согласны на такую крупную игру? Дело стоящее! Только плана своего я до поры до времени вам не скажу. Народ-то вы не очень надежный. Еще чего доброго взбредете где до поры до времени и погубите все дело!» Необычное многословие «Победителя» сразу настроило его приятелей на серьезный лад. Они поняли без лишних объяснений, что на этот раз речь идет действительно о чем-то крупном...

Роли между участниками затем были тщательно обдуманы и распределены в соответствии с природными талантами каждого.

Американец был сухой и черствый делец – коммерсант. Дух бизнеса, или по-русски ненасытного стяжательства, владел его помыслами. И все же Северная Пальмира, как тогда иностранцы называли столицу Российской империи, восхитила его. Он восторгался и красотами города, и сокровищами музеев, и величественным видом царственной Невы.

Приставленный к нему гид был любезен и предупредителен. Казалось, он старается угадать тайные мысли своего патрона и из кожи вон лезет, чтобы угодить ему. «До чего же добродушен и приветлив русский человек, – невольно думал американец. – Право, этот русский переводчик выдрессирован не хуже моей личной секретарши».

А «переводчик» хорошо знал свое дело и помнил суровую инструкцию «Победителя». Он знал, что за каждым его шагом пристально следит не одна пара «дружеских» глаз и что «Победитель» не простит ему легкомысленного промаха в обращении с американцем, временно сданным на его попечение.

В одну из очередных поездок по городу турист был неожиданно поражен необычайным видом: в центре города перед ним открылся огромный пустырь без единого деревца (это было Марсово поле). «Объясните мне, пожалуйста, что это такое? – с удивлением попросил своего “гида” заморский богач, указывая на Марсово поле. – Почему такая ценная земля не застроена, пропадает зря? Какой бизнес у нас в Америке извлек бы ее владелец от такого богатства» – невольно при-

знался турист и закончил свою речь вопросом: «А не скажете ли вы мне, мистер, кто хозяин этого участка?»

«Ну, слава Богу, – с огромным облегчением в душе подумал «мистер гид» при этом вопросе американца, – наконец-то, кажется, клюнуло, и я не бесполезно проболтался по городу с этим Крезом». И гид поспешил назвать соблазненному бизнесмену первую попавшую на язык русскую фамилию. «А что же это за субъект?» – заинтересовался банкир. «О, это большой чудак, самодур, упрямый, богатый сумасброд». – «Я понимаю, что он русский оригинал. А не могли бы вы меня с ним познакомить? Я вам был бы очень благодарен и в долгу не остался...»

Гид с готовностью согласился. Скоро знакомство состоялось. Бизнесмен был в восторге от русского «чудака». Впервые в жизни он встретился с таким поразительным для американца «бескорыстием», с полнейшим равнодушием к бизнесу. Сначала хозяин заманчивого «пустыря» решительно отказался от каких бы то ни было переговоров о продаже земли. Не без остроумной иронии он стал доказывать покупателю, что Россия – это не Америка, что в России от американского бизнеса может получиться только конфуз, что выгоднее от такого бизнеса поостеречься. Но если уж американскому гостю так сильно хочется купить этот никчемный пустырь, то он, законный хозяин, только из уважения к иностранцу продаст ему свой наследственный участок земли, где его предки некогда учились верховой езде.

Лучшего итога встречи с русским «чудаком» американский бизнесмен не мог ожидать. Он щедро наградил своего услужливого гида и только торопил выполнения всех формальностей у нотариуса. Пустырь был оценен в очень крупную сумму. В нотариальной конторе банкир встретился с пожилым, внушительного вида нотариусом. Покупка «пустыря» была быстро оформлена. Американец выдал чек на предъявителя, а себе в карман не без удовольствия положил «документ», удостоверяющий покупку им Марсова поля. И продавец, и покупатель, довольные друг другом, любезно пожали один другому руки и расстались навсегда.

НЕОЖИДАННЫЙ КОНФУЗ

Обыватели, как правило, трусливы. Чувство самосохранения им присуще в высокой степени. Зато все необычное в поведении другого человека захватывает их любопытство, становится предметом не только их удивления, но и своеобразного, почти благоговейного восторга и умиления. Вот почему в конце 70-х годов XIX века в обывательских домах уездного города Луги имя помещика Половцева всегда произносились с почтительным трепетом.

Высокий, важный, блестящий штаб-ротмистр одного из императорских гвардейских полков, богатейший дворянин, Половцев чувствовал себя в Луге как царь и бог. Обыватели восхищались всеми самодурными проделками грозного ротмистра. Трепет перед ним лужского начальства, начиная с сурового исправника, не знал границ. Когда в роскошном экипаже Половцев подкатывал к вокзалу, жандарм выскакивал ему навстречу и замирал, как солдат перед генералом.

Однажды зимним сумрачным вечером Половцев отправлялся в столицу. Адьютант получил в кассе билет в отдельное купе первого класса. Вагоны электричеством еще не освещались, а свечи в фонарях экономный проводник зажигал не всегда. Поэтому, когда Половцев в сопровождении адъютанта вошел в купе, обозначенное в его проездном билете, то они не сразу заметили сидевшего в углу пассажира. Закутавшись в шубу с поднятым воротником, он, видимо, дремал.

Половцев сразу вспыхнул. Он, хотя и вежливо, но очень повелительным тоном обратился к сидящему с просьбой выйти из купе в другое место. Если бы это был лужанин, то после такой просьбы его бы и след простыл. Однако неизвестный пассажир, видимо, не придал значения офицерской просьбе и продолжал преспокойно сидеть.

«Послушайте, monsieur, – вторично обратился ротмистр, – я вас прошу освободить это купе. У меня на него билет».

«У вас на это купе билет? – флегматично повторил несговорчивый пассажир. – Видимо, произошла ошибка в кассе... Я еду из Пскова, то есть ранее вас получил билет именно

на это купе. Вам должны билет поменять. Тем более, что вагон почти пустой – свободных купе много». Это резонное объяснение было бы признано достаточно основательным для обыкновенного человека, но никак не для Половцева.

«Итак, вы не хотите переехать в другое купе? – уже повышая голос, спросил, едва сдерживая себя, гвардеец. – Тогда придется обратиться за содействием властей!» И Половцев приказал адъютанту пройти на вокзал и вызвать дежурного жандарма.

Но и такой оборот дела, кажется, не произвел надлежащего впечатления на упрямого незнакомца.

Появился жандарм. Он обратился к неразговорчивому пассажиру с покорнейшей просьбой перейти в любое другое свободное купе. Причем он сослался на желание его благородия господина ротмистра, дабы по-хорошему исправить происшедшее недоразумение с билетом. К крайнему изумлению и Половцева, и адъютанта, и жандарма, незнакомец решительно заявил, что это недоразумение его нисколько не касается и что он никуда из этого купе не уйдет.

Это, по мнению как Половцева, так и жандарма, было верхом наглости со стороны несговорчивого пассажира. И даже больше того, это было явное неподчинение власти.

Тогда Половцев потребовал от жандарма немедленного составления протокола о грубом неподчинении упрямого старика (а пассажир был очень преклонного возраста) требованию жандарма и о привлечении его за это к строгой административной каре. Услужливый проводник принес фонарь. Жандарм сбегал на станцию за бумагой и чернилами, присел к оконному столику, и протокол в довольно резких выражениях был составлен.

Жандарм встал навтыяжку пред Половцевым и почтительнейше попросил подписать протокол. Тот, не читая написанного, вывел свой длинный воинский титул, поставил витиеватую подпись и придвинул бумагу к старику для подписи. Старик неторопливыми, привычными, но, как всем показалось, очень властными движениями надел очки в золотой оправе и, несколько помедлив, четким почерком поставил свою подпись.

Жандарм, следивший за тем, как незнакомец подписывал протокол, вдруг мгновенно вытянулся в струнку, взял под козырек и залепетал что-то невразумительное. Рукой старика на протоколе был написан по тем временам высокий титул первого, после царя, человека во всей Российской империи: «Государственный канцлер князь Александр Горчаков».

Эта выразительная немая сцена закончилась обращением князя Александра Михайловича Горчакова к онемевшему Половцеву с предупреждением, что он, князь Горчаков, едет с докладом к государю императору и что, конечно, при докладе сообщит его императорскому величеству и об этом происшествии на станции Луга.

ПРОВАЛИВШАЯСЯ ЗАТЯЯ

В известной повести А. И. Куприна «Молох» автор воскресил старую петербургскую историю о том, как один, дошедший до полной нищеты студент провел «за нос» или, попросту говоря, одурачил важного сановника, вознамерившегося обратить бедного студента в подставного жениха.

Я этот рассказ слышал в устной передаче в ранние детские годы, задолго до появления в свет купринской повести, и расскажу его так, как тогда слышал.

Молодому студенту жилось тяжело. Бегая по урокам из одного конца города в другой, он едва сводил концы с концами в своем жалком бюджете. Куда ни шло, будь бы он один... А у него на руках была престарелая мать да больная взрослая сестра. Где же тут выйти из нищеты? Студент пообносился, новой одежды купить нечего было и думать. В потрепанной тужурке в приличный дом не пойдешь. Уроки мало-помалу исчезали. Заработка нигде не найти. Студент зашел в тупик.

Мрачное отчаянье, как тяжелый кошмар, навалилось на его плечи. Квартиру оплатить стало нечем, предстояло выселение. Не видя никакого выхода, несчастный студент решил покончить с собой. Обдумывая свое мрачное решение, он в один погожий весенний день зашел в Летний сад. Солнце светило, но на его душе лежала темная ночь.

Он присел на пустую скамейку и задумался. Через некоторое время его внимание привлек к себе пожилой, хорошо одетый незнакомец. Студенту показалось, что этот незнакомец наблюдает за ним. Он прогуливался мимо скамейки, на которой сидел студент, а так как в этой части сада было пустынно, то студент не мог, в свою очередь, не обратить внимание на солидного господина, почему-то продолжавшего прохаживаться мимо него и изредка бросающего на него пристальный взгляд.

Но вот незнакомец решительно направился к студенту и вежливо попросил разрешения присесть рядом. Незнакомец заговорил: «Извините, господин студент, мне кажется, вы чем-то очень озабочены... Не обижайтесь на меня, старика, за мое неделикатное обращение к вам. Я не имею чести вас знать».

В первую минуту студент хотел резко ответить назойливому незнакомцу, но тут же он подумал, что для того, кто намерен уйти добровольно из жизни, должно быть глубоко безразлично чужое поведение. И он промолчал. Незнакомец же молчать не хотел. «О, как хороши годы молодости! Какие безграничные горизонты... Какие житейские возможности», – несколько грустным тоном, словно сожалея о невозвратной юности, продолжал говорить пожилой господин. Студент его не перебивал. «Поэтому так печально бывает видеть на молодом лице грусть, заботу, тревогу, – продолжал разговорчивый господин. – О, как было бы отрадно сбросить с плеч десяток-другой лет, вернуть умчавшуюся молодость, но, как поется в песне, – увы, нет дорог к невозвратному...»

Болтовня незнакомца не раздражала студента. У него даже появился какой-то мальчишеский задор. «А в самом деле, – подумал студент, – как бы этот болтун оценил мое намерение покончить счеты с жизнью и что бы он посоветовал мне?» Прервав собеседника, студент довольно подробно рассказал ему о своем безысходном положении и почти шутки ради спросил: «Ну, какой бы вы могли мне посоветовать выход?» Студенту казалось, что такой прямой вопрос поставит в затруднение собеседника. Но не тут-то было.

Тот прямо взглянул ему в лицо, даже улыбнулся и, не задумываясь, ответил: «Выход? Для вас выход? Да у вас множество выходов! Ведь вы молоды и здоровы». – «А, к примеру, какой же?» – с явной иронией спросил студент. «К примеру, выгодная женитьба». – «Такой совет в моем положении можно принять лишь за злую и, простите, неумную шутку». – «Э-э, молодой человек, это вам так кажется по молодости лет и по житейской неопытности. Впрочем, к чему заниматься пустым словоприемом? Позвольте мне предложить вам, господин скептик, совершенно реальный план...»

«Я вас слушаю», – ответил студент. «Ну вот, прошу меня выслушать совершенно серьезно. Я несколько не шучу с вами, предлагая вам жениться. Женитьба, о которой я говорю, поправит ваши дела, выведет вас из всех затруднений и позволит вам получить образование...» – «Я вас не понимаю, о какой женитьбе вы толкуете», – перебил студент. «Не спешите. Сейчас вы все поймете... Ваша женитьба не будет для вас обременительна. Жену вы, быть может, увидите только раз в жизни во время венчанья. За эту единственную встречу с незнакомой вам mademoiselle вы получите при совершении брачного “обыска” десять тысяч. Не торопитесь с ответом! Подумайте, устраивают ли мои условия... Если вы согласитесь, то вы придете ровно через неделю сюда, в Летний сад, на это же место, в это же время, как сегодня».

Студент согласился подумать. Собеседники расстались.

Самые разнообразные чувства бушевали в душе студента, когда он возвращался из Летнего сада. Теперь его возмущало то бесчестное спокойствие, с каким он отнесся к пошлому предложению неизвестного сводника... Какая возмутительная гнусность! А между тем он, честный до сих пор молодой мужчина, слушал объяснения пошляка без внутреннего возмущения. Вместо того, чтобы дать по физиономии распоясавшемуся подлецу, я, – думал бедный студент, – с тупым спокойствием слушал его и даже согласился подумать о его циничном предложении. Какой позор! Ведь я никогда не был толстовским непротивленцем злу, – продолжал свои самобичевательные рассуждения

студент. В положении неведомой девушки, вокруг которой готовятся коварные сети, кающийся студент представлял себе свою любимую больную сестру. И он пылал негодованием.

Впрочем, утешал он себя, еще не поздно исправить свою оплошность. Через неделю будет возможность по заслугам разделаться с обольстителем, и это совершится...

Всю дорогу до дома студент мучился благородными терзаниями, но они исчезли как дым, лишь только он увидел исхудавшее от скорбных дум лицо матери и лежащую на кровати, бледную, со зловещими пятнами на щеках, чахоточную сестру. Реальный ужас скорой гибели мучительной тяжестью сковал его сердце. Столичная неумолимая холодная борьба за существование, о которой он читал в скорбных повестях «лишних людей», теперь окутала и его непроблемный мраком.

А мать его тихим голосом, чтобы не расстроить больную дочь, поведала сыну, что она сегодня заложила в ломбард последние вещи, которые можно было заложить, но что дали за них так мало, что лишь на несколько дней отдалается голодная смерть.

И тут в душе студента мелькнула навязчивая мысль: что лучше – позор или самоубийство? Его честное сердце каждым своим биением протестовало против позорного решения, но ум, как коварный заговорщик, услужливо нашептывал о необходимости борьбы за жизнь, не разбирая средств, будь они даже самые бесчестные.

«Ты ищешь спасения в самоубийстве, – шептала ему коварная мысль, усыпляя совесть, – но так ты можешь решать вопрос о жизни только за себя, а решать его за других тебе права не дано. Ты не смеешь превращать самоубийство в хладнокровное, бессердечное убийство своей матери и сестры...» Эта внутренняя борьба ослабила его волю. Он заколебался. И в порыве горького сомнения в своих благородных чувствах он рассказал своей матери о странной встрече в Летнем саду, прося ее совета.

«Милый мой, – вся содрогаясь от жалости к сыну, ответила ему мать, – что я могу тебе посовето-

вать? Ты встретился с негодяем, каких немало в столице. Строить свое личное благополучие на несчастье другого, на гнусном обмане – безбожно. Это тебе, честному и трудолюбивому, понятно не менее, чем мне. Положение наше безнадежно. Сестра гибнет без всякой медицинской помощи, без всякой поддержки... Ну, что я могу тебе посоветовать, милый мой мальчик. Поступай, как тебе подсказывает совесть. Я ничего тебе не могу больше сказать».

Она прижала сына к груди, и он почувствовал, как на его голову закапали ее частые слезы. Эти материнские слезы обожгли его душу, пробудили в нем энергию и вызвали уснувшую было жажду борьбы за жизнь. «Нет, – решил он, – будь что будет, а я еще раз встречу с тем, как его мать назвала, «столичным негодяем». Мне-то он никакого зла сделать не может, даже если все, что он говорит, один пустой бред и обман».

В назначенный срок студент был на условленном месте Летнего сада. Скамейка была пуста. Сердце студента заныло, точно он неожиданно обнаружил потерю чего-то ценного и нужного. Это тягостное ощущение отнятой надежды продолжалось недолго. Скоро незнакомец пришел. Встреча со студентом, видимо, порадовала его не менее сильно, и он без всяких обиняков приступил к делу.

«Я рад, – сказал он, – что вы согласились с моим предложением. Не будем медлить... Я думаю, вам достаточно трех дней, чтобы подготовиться к свадьбе и привести себя в надлежащий вид. А сейчас будьте добры взять от меня на вашу экипировку тысячу рублей. Не жалейте этих денег, оденьтесь со всевозможной изысканностью: вам придется встретиться с весьма высоким обществом. Затем, пожалуйста, скажите ваш адрес и через два дня будьте непременно дома – за вами заедут. Остальные десять тысяч по уговору вы получите в церкви перед венчанием после подписания “обыска”».

Они расстались. Студент был ошеломлен. Таких денег он еще никогда не имел. Его воображение рисовало счастье сестры и матери. О том, какой ценой оно покупалось, он совершенно не думал. О совести и чести он позабыл.

В назначенный вечер студент нетерпеливо ожидал посланца. Хорошо шитый фрак выгодно оттенял его природную красоту. Минуты, как докучные посетители, тянулись бесконечной вереницей. И вот раздался дребезжащий звук колокольчика. «Жених» открыл дверь. Перед ним стоял высоченный ливрейный лакей. Он напоминал своим видом роскошно одетого генерала: все на нем блестело. Он назвал фамилию студента. «Я самый», – с некоторым смущением ответил новоявленный «жених». «Внизу вас ждет карета его сиятельства, пожалуйста за мной...»

Они вышли. Прошли два внутренних двора. Перед домом стояла роскошная карета. Зеваки уже глазили на нее, ибо на этой захолустной улице таких чудес не бывало. Наконец карета остановилась перед особняком. По другой стороне широкой улицы стояло множество экипажей, один другого краше.

По великолепной лестнице студент, сопровождаемый лакеем и каким-то вертлявым молодым человеком, прошел в ярко освещенный храм. У него зарябило в глазах от ослепительного блеска по-свадебному разодетых дам, от радужных лент, звезд и орденов военных и статских лиц всякого возраста.

К счастью, к студенту подошел тот «негодяй», от которого зависела вся эта театральная история. Он увел виновника торжества для совершения «обыска». Когда формальности были завершены, студент положил в свой свадебный фрак сто «катенок».

Ждали приезда невесты. Лорнеты дам то и дело направлялись на дверь. И вот шафера степенно вышли на лестницу. В дверях появилась невеста. Она выглядела царицей красоты. Такой живой картины, казалось студенту, невозможно было снискать ни в одном собрании картин. Это была сама соперница Венеры. Все взоры устремились на нее.

Студент, очарованный прекрасным видением, даже не заметил, кем и как он был поставлен рядом с нею перед аналогом. Свадебный обряд начался. Машинально он отвечал на вопросы священника, протягивал руку, когда на палец одевалось обручальное кольцо. Всем своим существом он чувствовал красавицу,

стоявшую рядом. Видимо, она также не без интереса наблюдала за ним.

Под торжественное пение искусного хора жених и невеста были уже троекратно обведены вокруг аналога. Священный обряд подходил к концу, когда студент услышал тихий шепот красавицы: «Скажите, пожалуйста, сколько вам заплатили за эту бесстыдную комедию?» – «Десять тысяч», – тихо ответил студент, и ему почудилось, что он ожидал от «невесты» именно этот вопрос. «Какой скряга! Он покупал меня, как на базаре, торгуясь и жадничая. По его средствам он заплатил вам за любезную услугу гроши».

При слове «услуга» краска стыда покрыла лицо бедного «жениха». Она заметила его смущение и ласково сказала ему: «Я не хотела вас оскорбить. Простите». И тут же добавила: «Видите на мне это кольцо? Оно стоит 75 тысяч... Да и другие украшения на мне, не торгуясь, можно продать не менее как тысяч за 50. Но не в этом дело... Я хочу вас спросить, простите уж за откровенность, я вам нравлюсь?» Вопрос был так неожиданен и столь ошеломляющ, что студент мог сказать только одно не совсем любезное, но вполне искреннее слово «очень».

«Ну и прекрасно... Вы мне тоже нравитесь. Понимаете?» – «Вполне понимаю». Свадьба окончилась. Вереница разодетых женщин и звездноносных, с изысканными манерами мужчин потянулась поздравлять жениха и невесту. Одним из последних подошел к новобрачным и «негодяй» из Летнего сада. Он подвел к ним седого и лысого, но с весьма представительной осанкой сановника, с какой-то разноцветной лентой через плечо.

Подобострастно улыбаясь, услужливый господин посредник представил студента этому важному сановнику, который кивнул жениху головой, но руки не подал. «Господин студент, – обратился к нему посредник, – его сиятельство граф поздравляет вас с заключением законного брака и благодарит вас за вашу любезную услугу. Вы свободны».

От последних слов презренного сводника вся кровь бросилась в голову студента. Он как-то неестественно выпрямился и каким-то сдавленным голосом проговорил: «Я не понимаю вашего намека...

По-моему, ваше поздравление лицемерно. И если вы позволите себе еще хоть один подобный гнусный намек, то предупреждаю вас – я за свои поступки не ручаюсь, и скандал станет неизбежным. Свою жену я никому не позволю оскорблять».

Поздравители окаменели. Среди окружавших послышался сдержанный шепот. На помощь студенту пришла новобрачная. Она сказала, лукаво взглянув на сбитых с толку поздравителей: «Мой друг, примите мою благодарность за помощь. А теперь нам пора!» Она взяла мужа под руку. Толпа изумленных гостей почтительно расступалась перед виновниками торжества.

Когда они вышли к подъезду, кто-то крикнул: «Карету новобрачным!» Когда карета тронулась в направлении Московского вокзала, красавица прижалась к груди мужа и шепнула ему: «Вы настоящий рыцарь, мой герой!»

ВЫИГРЫШ ПОГУБИЛ

В одном провинциальном городке в дореволюционные годы проживал сапожных дел мастер. Он был знатный искусник: самая изношенная обувь в его руках приобретала потерянную красоту. Работы у него было достаточно. Он жил без нужды, в меру выпивал и умел вовремя протрезвиться.

Однажды к этому сапожнику зашел промотавшийся барин и оставил для починки свои выходные, но изрядно поношенные ботинки. Придя за ними в назначенный срок, хозяин признался, что он сейчас не при деньгах, и потому оставил в залог выигрышный билет. «Что вы, барин, на что мне ваш билет, – взмолился обескураженный таким оборотом дела сапожник. – Возьмите этот билет. Я вам и без билета поверю». – «Дурак, бери, пока дают. Сам знаешь, все мы под Богом ходим, мало ли что может случиться и со мной, и с тобой. А я в долгу оставаться не хочу».

Делать нечего, пришлось согласиться. Взял сапожник билет, помял в руках и думает, что даже на цигарку билет не гош – больно бумага жесткая. И за полной непригодностью билета к чему-либо полезному он, сапожник, приклеил этот билет варом к двери. Барин за

билетом не пришел и денег за починку не вернул.

Прошло много лет с этого происшествия. И вот однажды, как и тогда, когда мот барин всучил за починку никчемный билет, к сапожнику зашел солидный незнакомый, видимо приезжий, господин. Он нуждался в какой-то срочной пустяковой починке. Пока сапожник занимался ремонтом обуви, господин, сидя на табурете, посматривал по сторонам.

«А это что у тебя, братец, там на двери наклеено?» – спросил заказчик. «А, это – да какой-то билет», – и сапожник рассказал любопытному барину уже знакомую нам историю. «Ты суций болван, – ответил на его рассказ посетитель, – ведь это же не простой билет, а выигрышный. Сейчас я его посмотрю». Барин подошел к двери, вынул из кармана газету и каким-то изменившимся голосом сказал: «Да! На этот именно билет пал выигрыш в сто тысяч...»

Сапожник взглянул на говорящего, не понимая смысла его слов, и удивился перемене в лице господина. Оно было бледно, и губы непроизвольно тряслись. «Что с вами, барин, вы нездоровы? Присядьте!» – забеспокоился сапожник. Барин не внял его словам. Он продолжал пристально смотреть на счастливый билет. Несколько успокоившись, он обстоятельно объяснил сапожнику, что по этому наклеенному на дверь билету можно получить сто тысяч. Надо только билет отклеить и предъявить в банк на получение выигрыша.

«Отклеить? – машинально повторил сапожник, – вряд ли кто-нибудь может это сделать. Ведь варом приклеено. Значит, крепко. Соскоблить можно, ну, а отклеить... Только перервешь билет, а не отклеишь».

Конец этого странного происшествия я слышал в двух вариантах, сходных только в том смысле, что сапожник сошел с ума и вскоре погиб. По одному из вариантов,

несчастный сапожник, не зная, что сделать с выигравшим билетом, в конце концов снял дверь с петель и с дверью явился в банк за получением ста тысяч. Когда ему в получении выигрыша по наклеенному на двери билету было отказано, он лишился рассудка.

РОЖДЕНИЕ ОДНОЙ ОШИБКИ

Вскоре после злополучной русско-японской войны среди чиновников Государственного банка вошло в словесный обиход новое, дотоле не существовавшее выражение: «Да вознесет тебя Господь в свое время». Когда являлась надобность сказать нечто приятное товарищу по работе, подкрепить его вожделенную надежду на скорое повышение по службе или иное подобное начальственное благоизъявление, то обычно счастливцу в подобающий случаю момент говорили торжественно-шутливым тоном: «Да вознесет тебя Господь в свое время!» Иногда этими же загадочными словами утешали в служебных скорбях и печалях иногородного униженного и оскорбленного Акакия Акакиевича.

Так постепенно сия странная форма обращения приобрела силу традиции. Прямой смысл слов потерял свое значение. Старым смыслом уже не интересовались те, кому пришелся по сердцу новый смысл. Может быть, не все даже и ведали сокровенный смысл любившегося выражения.

История же этих слов такова.

Некоему влиятельному и сановному мужу тех дней запала в голову премудрая мысль, опережающая естественный ход событий. А ход этот был зело печален. Японские «макаки», на удивление всему свету, сокрушали и позорили славу двуглавого орла. Манчжурские сопки становились символом траура для самодержавной России. Но сановная голова сквозь слезы и плач на-

родный угадывала победоносный исход злосчастной войны. Конец придет! И надо быть к нему подготовленным.

Все цивилизованные страны приучены торжественно праздновать завершение кровопролитий. В тиши музеев немало хранится военных медалей, обрамленных торжественными славословиями. Так могло произойти и на сей раз.

Предваряя события, сановное лицо при соответствующей помощи лиц не сановных заготовило проект медали, отмечающей грядущую победу русского оружия над коварной Японией. На лицевой стороне медали изображался профиль самодержца всероссийского Николая II. По ободку медали располагалась надпись «Да вознесет тебя Господь».

Для того чтобы медаль могла быть отчеканена на Монетном дворе, требовалось Высочайшее утверждение проекта медали государем императором. Проект был представлен на благоусмотрение его величества и удостоился уклончивой резолюции. Царской рукой было начертано всего три слова: «В свое время». Видимо, Николай II ждал еще того момента, когда Господь Бог положит ему под ноги японских супостатов, и счел за благо временно отказаться от чеканки прославляющей победной медали.

Однако, вопреки здравому смыслу, государственные мудрецы прибегли к глубокомысленному толкованию сих простых слов. Поэтому они решили, что царю было угодно дополнить торжественную надпись на медали непонятными, но по-царски мудрыми словами «В свое время».

Так родилось на свет Божий странное выражение: «Да вознесет тебя Господь в свое время». Оно не только украсило медаль, прославлявшую несбывшуюся победу России над Японией в 1904 году, но и обогатило русскую речь шутливым выражением.

